

Не успел он прийти в себя, как прямо над головой маленького негодяя внезапно появились белые лисьи ушки.

Погодите-ка, лисьи ушки?!

Цзян Сюй придвинулся еще ближе: эти белые лисьи ушки выглядели такими мягкими и прелестными, их покрывал тонкий пушок, и можно было разглядеть даже мельчайшие капилляры на тыльной стороне ушей.

Под прямым, немигающим взглядом Цзян Сюя покраснели не только щеки Ци Чи — кончики его ушей тоже залились краской, и он даже невольно опустил взгляд, чуть подрагивая ушками.

— Могу я их потрогать? — спросил Цзян Сюй.

Ци Чи ответил:

— М-моди... трогай.

Мягкие лисьи ушки оказались в руках Цзян Сюя, который принялся их легко тереть и поглаживать, а лицо Ци Чи покраснело до такой степени, что хуже и придумать было нельзя.

Э-это... как-то странно. Раньше, когда он сам касался своих ушей, у него не возникало таких ощущений. До чего же это неловко...

В этот момент Цзян Сюй снова протянул руку к его большому пушистому лисьему хвосту.

Чувствительное основание хвоста начали мять и растирать, и Ци Чи невольно всхлипнул. Тут же сообразив, что происходит, он заерзал, пытаясь вырваться из объятий Цзян Сюя.

— Отпусти меня!

— Не отпущу!

Маленький негодяй донельзя покраснел от стыда и злости, и было непонятно, то ли он еще не оправился от болезни, то ли просто рассвирепел:

— Цзян Сюй, ты мерзавец!

Он впился зубами в плечо Цзян Сюя, приложив все до единого силы, так что острые зубы пронзили кожу. Укус оказался по-настоящему глубоким, хлынула алая кровь.

Цзян Сюй мертвой хваткой вцепился в талию Ци Чи, а в глубине его глаз злегла жуткая, одержимая тьма: — Не отпущу даже в смерти, можешь сразу готовиться к тому, что я запру тебя до конца дней!

В конце концов, в этой жизни он признавал лишь одного Ци Чи.

— Цзян Сюй, опомнись, я тебе не домашняя зверушка!

— Я никогда и не считал тебя своей зверушкой, — глухо произнес Цзян Сюй. — Каким бы ты ни был, я люблю тебя... С самого начала я видел в тебе только любимого человека, это ты вечно сбегал от меня под самыми разными предложениями.

— Хватит.

— Признайся уже, ты просто ревнуешь.

— Заткнись, я терпеть тебя не могу!

— Ты даже собственное сердце не решаешься мне доверить.

— Я сказал, заткнись! — придя в ярость, Ци Чи схватил Цзян Сюя за воротник. — Я никогда раньше никого не любил, с какой стати мне так легко отдавать тебе свое сердце?!

— Значит, ты наконец признал, что любишь меня?

Зрачки Ци Чи судорожно задрожали.

Он резко разжал пальцы и на мгновение растерялся, не зная, что ответить: — Я...

Его снова скрутил приступ жестокого кашля. Цзян Сюй прижал его к груди и легко похлопал по спине, а Ци Чи вдруг перестал сопротивляться. Он тихонько замер в объятиях Цзян Сюя, пару раз тихо усмехнулся, а затем поднял взгляд — его глаза цвета янтаря были всё так же прекрасны и манящи, как при их первой встрече.

— Куда ты хочешь меня заточить? — хрипло спросил он, и голос его, напротив, стал приторно-сладким.

Цзян Сюй ничего не ответил.

На самом деле, когда Ци Чи задал этот вопрос, в его голове пронеслись самые разные картины: например, как он запирает его в подвале и, как бы тот ни рыдал и ни умолял о пощаде, не ослабляет цепь на его щиколотке; или как приковывает к огромной кровати, оставляя прямо на сердце клеймо, принадлежащее только ему одному. Но Цзян Сюй не мог на это решиться — ему было жаль.

Если уж и запирать Ци Чи где-то насильно, то это может быть только место, усыпанное цветами, где всегда тепло, как весной.

Цзян Сюй закрыл глаза и вздохнул, смиренно сдаваясь:

— Маленький лжец.

— Ну да, я именно такой маленький лжец~

Ци Чи сощурил глаза, и его голос звучал всё так же капризно, словно пропитанный медом яд:

— Так ты всё ещё хочешь поцеловать меня?

Цзян Сюй с бесстрастным лицом притянул его обратно в объятия, а взгляд его погрузился во мрак:

— Ты сам напросился.

В конце концов Ци Чи почти потерял сознание.

Сознание давно затуманилось, и весь он сжался в маленький комочек.

Цзян Сюй собственными глазами видел, как он, тихий и послушный, словно пай-мальчик, качнувшись всем телом, уткнулся в его объятия, когда Цзян Сюй обнял его за поясницу. Затем его болезненно-бледное личико прижалось к груди Цзян Сюя, и с его губ сорвался бессвязный бред:

— Мне плохо...

Приведя его в порядок, Цзян Сюй налил стакан теплой воды и протянул ему.

Розовый кончик язычка слизал с ладони Цзян Сюя жаропонижающее, и Ци Чи проглотил таблетку.

С жадностью сделав еще несколько больших глотков воды, он наконец почувствовал, как его пересохшему, охрипшему горлу стало легче.

Его густые ресницы, похожие на перья ворона, дрогнули, и он распахнул влажные янтарные глаза. По привычке снова вжавшись в объятия Цзян Сюя и положив подбородок ему на плечо, он мягко пролепетал детским голосочком:

— Моё.

Цзян Сюй с улыбкой в глазах посмотрел на него:

— Что твоё?

Ци Чи:

— Моё...

Цзян Сюй опустил голову и поцеловал марлевую повязку на лбу Ци Чи, а его дымчато-лиловые глаза постепенно затягивала пелена одержимости и безумия. Он уложил Ци Чи на кровать, после чего прижал его к себе в невероятно властной манере — его тело вплотную прижималось к спине и животу Ци Чи, не оставляя между ними ни единого зазора.

Неизвестно, сколько еще времени прошло.

Ци Чи ворохнулся в объятиях Цзян Сюя, подергал ушками, а его ключицы сплошь покрывали следы от поцелуев.

Взгляд опускается ниже.

На белых и изящных щиколотках змеилась тонкая изысканная цепь, в лунном свете отливающая болезненным блеском.

Точь-в-точь самая прекрасная болезненная канарейка в клетке.

Скрытый чернобрюхий красавчик-студент x Цундере маленький лисёнок

На следующий день маленький негодяй всё еще крепко спал.

Он сжимал пальцами руку Цзян Сюя, мягко и размеренно выдыхая.

Белые лисьи ушки подрагивали в такт дыханию Ци Чи, и этот послушный вид заставлял сердце Цзян Сюя таять.

Цзян Сюй подпер щеку одной рукой, опушив ресницы. Он так и сидел на краю кровати, переводя взгляд с одного на другое на изящном и прекрасном личике Ци Чи, а мрак на дне его глаз едва ли удавалось скрыть.

И правда, его догадки всегда были верны.

Столь тонкие щиколотки после того, как на них насильно надели цепь, смотрятся поистине невероятно красиво.

Помимо этого, на лбу, коленях и локтях Ци Чи оставались ссадины.

Цзян Сюй завернул маленького негодяя в одеяло, прижал к груди, поддерживая его клонящуюся набок голову, и осторожно развязал бинт на лбу, готовясь сменить повязку.

— Больно.

Ци Чи проснулся с сонной дурнотой, еще до конца не придя в себя. Прислонившись головой к плечу Цзян Сюя, он жалобно затянул нежным голоском:

— Побудь полегче, мне так больно...

Его пальцы слабо цеплялись за одежду Цзян Сюя, длинные ресницы едва заметно дрожали. Из-за еще не до конца спавшей высокой температуры лицо казалось обессиленно-бледным — прямо как болезненная, но упрямая маленькая кошечка.

И от этого вида больной крошечной кошечки у Цзян Сюя трепетало само сердце.

— Не двигайся, иначе потом не вини меня, если рана воспалится и начнется инфекция.

Хоть Цзян Сюй и говорил так, движения его рук стали еще невесомей.

Когда рану на лбу наконец перевязали заново, Ци Чи немного пришел в себя.

Он потер глаза тыльной стороной ладони, а затем, ощутив за спиной широкую, крепкую грудь, резко проснулся:

— Какого черта? Цзян Сюй?!

На этот раз он окончательно пришел в себя.

Янтарные глаза от изумления стали круглыми, донельзя милыми.

— Ты почему здесь?

Цзян Сюй безобидно изогнул брови:

— А ты угадай~

Ци Чи: «??»

Он воочию наблюдал, как Цзян Сюй с «добрыми намерениями» указал пальцем куда-то ему на макушку.

Тот в полном недоумении протянул руку, потрогал, и в следующую секунду весь лис ошетинился.

Матюкнувшись, Ци Чи запустил в него подушку и инстинктивно забился в угол кровати, прикрывая лисьи ушки:

— Ты, ты, ты... Чертовски... Ты всё видел?!

Цзян Сюй поймал подушку и отложил в сторону:

— Это моя комната.

Ци Чи: «.....»

— Кто вообще хочет слушать твои оправдания? Я еще тебя не простил... Извращенец ты этакий!

— Кто вчера до самого конца плакал и умолял меня? — губы Цзян Сюя переместились к его шее, а горячее дыхание коснулось уха Ци Чи. — Будь умницей, послушайся.

Слова Цзян Сюя заставили Ци Чи с ужасом вспомнить вчерашнее безумство.

Он ведь и вправду плакал и умолял Цзян Сюя, но разве в этом не был виноват сам Цзян Сюй, который первый над ним «издевался»?..

Словно вспомнив о чем-то еще, маленький негодяй помрачнел:

— Ты унижаешь меня.

— Ведь если ты уже согласился быть с Ци Лоло, зачем тогда целовать меня?!

— Ты сделал это специально, признайся, это Ци Лоло спрятал в комнате скрытую камеру?!

В оригинальном романе Ци Лоло специально напоил первоначального владельца тела, упаковал его и отправил в постель незнакомого мужика, а затем на праздновании дня рождения выставил это непристойное видео на всеобщее обозрение.

Только так опозоренный и лишенный доброго имени первоначальный владелец больше никогда не смог бы пошатнуть его позиции.

При одной этой мысли взгляд Ци Чи окончательно заledenел.

— Это всё вы с Ци Лоло спланировали?

Цзян Сюй даже растерялся:

— Что? Разве я не объяснил всё еще вчера?

И какое вообще отношение ко всему этому имеет Ци Лоло?!

Почему маленький негодяй каждый раз упоминает Ци Лоло?!

Почему каждый раз фокус внимания маленького негодяя сосредоточен на Ци Лоло?!!

Ци Чи: «Хм-ф!!»

Смягчив голос, он вновь принялся отпираться:

— Ты же сам только что сказал, что вчера я горел в лихорадке и был тяжело болен — кто вообще запомнит, какую чушь ты нес, пытаюсь тебя обмануть? Во всяком случае, я тебе ни за что не поверю~ Если разобраться, ты просто сбежавший по хвостам фурри-маниак и махровый извращенец...

— Подожди...Цзян Сюй поднял руку, делая жест паузы, и, не выдержав, приложил ладонь ко лбу: — Так что же, в конце концов, ты увидел тогда, когда прятался за углом?

Маленький негодяй, приукрашивая и добавляя от себя деталей, снова пересказал всё, что видел у лифта.

Будто Ци Лоло плакал так надрывно, словно вот-вот рухнет, потому что не хотел отпускать Цзян Сюя.

Будто Цзян Сюй, обернувшись, улыбнулся Ци Лоло и сказал дома — это был намек на то, что они втайне поклялись друг другу в вечной любви.

Будто они оба в лифте вели себя невероятно сладко и влюбленно.

Дойдя до этого места, маленький негодяй пришел в ярость.

Ухватив Цзян Сюя за воротник, он едва не полез с ним в драку.

— — Цзян Сюй.

Цзян Сюй совершенно не понимал ход мыслей Ци Чи.Но ему было лень тратить слова на Ци Чи. Вместо этого он просто притянул Ци Чи к себе в объятия, заломил ему руки и, перевернув, прижал к постели, после чего впился зубами в кончик его лисьего ушка и как следует проучил, на собственном примере заставив того вспомнить всё, что происходило прошлой ночью.

Ци Чи не мог вырваться, его лицо покраснело от смущения и гнева.

То ли оттого, что его целовали слишком страстно, то ли от обиды, на длинных загнутых ресницах маленького мерзавца повисли влажные капли слёз, и с каждым трепетом ресниц они одна за другой падали вниз.

Вскоре несчастная кровать снова заскрипела.

.....

Итогом столь бурных терзаний стало то, что у Ци Чи снова разошлась рана.

— Тц, как болит.Краснота в уголках глаз Ци Чи еще не сошла, он намеренно пнул Цзян Сюя и указал на собственную шею:

— Тут всё опухло, будто собака покусала, ну ты и извращенец~

— Кто же это меня намеренно провоцировал? — спросил Цзян Сюй.

Говоря это, он подхватил Ци Чи на руки, перенес на диван и прибавил температуру на кондиционере.

— Снимай пижаму, дай я сначала сам тебе рану обработаю.

Вообще-то с раной на лбу лучше было бы обратиться в больницу.

Только вот горную дорогу перекрыло.

Когда Цзян Сюй попытался помочь ему раздеться, маленький засранец легонько уперся носком в плечо Цзян Сюя:

— Кхе-кхе... Сначала объяснись насчет твоих отношений с Ци Лоло, иначе и разговаривать не о чем.

Белоснежные щиколотки выглядели изящно и красиво, и Цзян Сюй, наклонившись, оставил поцелуй на его подъеме стопы.

Та кожа тут же запылала так, будто на ней вспыхнул огонь.

Ци Чи:

— !!

Как этот проклятый Цзян Сюй может играть настолько нечестно!

Цзян Сюй, продолжая целовать, двинулся от щиколотки вверх.

Кожа на внутренней стороне бедер, судя по всему, круглый год не видела солнца — белая и чувствительная; в местах, которых касались губы Цзян Сюя, икры Ци Чи слегка подрагивали.— Ты всё ещё мне не веришь?

Цзян Сюй поднял взгляд, и бушующие в его глазах одержимость и собственнический инстинкт невозможно было скрыть.

Но когда он попытался продвинуться дальше, маленькая ножка, упершаяся ему в плечо, исподтишка надавила сильнее.

— Я тебя ещё не простил, не подходи ко мне так близко.

Ци Чи полулежал на диване, прижимая к груди мягкую диванную подушку. На его щеках лежал нездоровый румянец, а ярко-алые губы шевелились: — Так что в конце концов за

история с этим Ци Лоло?

Цзян Сюй: «.....»

И насколько же сильно он, интересно, переживает?

Не иначе как наелся лимонов целой цистерной?

— Ци Лоло замышлял против тебя недоброе и собирался воспользоваться возможностью на праздничном банкете... В подробности его плана я не вдавался, но предполагаю, что это были какие-то грязные методы, — с намеком произнес Цзян Сюй. — Изначально он хотел отправить тебе приглашение.

Ци Чи невинно хлопал глазами: — Но я ничего не получал.

Цзян Сюй потерся носом о макушку Ци Чи: — Это потому, что я перехватил его.

Если в последнее время он и сблизился с Ци Лоло, то лишь потому, что вовремя распознал его дурные намерения.

Он хотел воспользоваться этим положением, чтобы провести тайное расследование.

Но как бы он ни рассчитывал каждый шаг, этот маленький негодяй всё равно заявился на банкет сам.

Ци Чи надул губы: — Хм.

— И с какой стати это я должен приходить к тебе, а не ты ко мне? — снова возмутился он, и чем больше думал об этом, тем сильнее злился: — Я решил пока тебя не прощать. Если только ты сам не станешь за мной ухаживать и не заставишь меня сменить гнев на милость.

Цзян Сюй беспомощно вздохнул: — Ты не мог бы не вести себя так капризно?

Ци Чи отвернулся и больше на него не смотрел.

Цзян Сюй с улыбкой в глазах наблюдал за ним, находя забавным небольшой хохолок на макушке Ци Чи.

Он протянул руку, намереваясь пригладить эту прядку.

Стоило ему сделать движение, как Ци Чи тут же сердито и грозно шлепнул его по руке.

— И что дальше? Продолжай отчитываться!

Цзян Сюй продолжил: — Он думал, что мы окончательно разругались, поэтому нарочно ломал передо мной комедию, уже несколько раз плакался и поливал тебя грязью...

При одном только воспоминании о фальшивом тоне и слезах Ци Лоло лицо Цзян Сюя исказилось от отвращения.

Впрочем, начав это расследование... он действительно кое-что раскопал. Когда-то все вокруг были уверены, что тот безвестный третьесортный актёршишка намеренно забрался в постель к отцу семьи Ци.

Однако Цзян Сюй раздобыл ту самую запись с камер видеонаблюдения.

Очевидно было, что глава семьи Ци сам подослал людей напоить молодого актёра, а затем воспользовался случаем и притащил его в номер.

К тому же происхождение этого актёра оказалось далеко не простым.

Если Цзян Сюй не ошибался, тот был единственной дочерью некоего влиятельного клана по фамилии Е.

Говорили, что персонал, работавший с этим актёром, однажды обмолвился: манеры у него были изысканные, совсем как у благородной девицы из высшего общества... вот только она повредила лоб и теперь ничего не могла вспомнить.

Цзян Сюй продолжил расследование и принялся проверять семью Е.

И действительно, единственная дочь старейшины рода Е двадцать лет назад сбежала из дома, и до сих пор её судьба оставалась неизвестной.

Стоит ли говорить, что семья Е также занимала крайне прочные и глубокие позиции в высшем свете.

Если оценивать влияние семьи Е в мире бизнеса и политики, то отец семьи Ци даже не годился бы в слуги, чтобы носить за старейшиной Е обувь.

— Помнишь того частного детектива, которого я встретил в торговом центре? — произнёс Цзян Сюй. — На самом деле он человек, посланный старейшиной Е. По его словам, совсем скоро семья Е заберёт тебя обратно.

Ци Чи подумал о том, что в оригинальной книге подобного сюжета, кажется, не было. Кака: [В то время репутация первоначального владельца тела уже давным-давно была испорчена до предела, с чего бы семье Е признавать его?]

Ци Чи немного подумал и счёл слова Каки отчасти разумными.

— Если мы хотим окончательно задавить семью Ци, возвращение в семью Е — отличный выбор, — произнёс Цзян Сюй.

Кака: [Хозяин, не слушай его.]

Кака: [Не забывай про главный приз, который ты выиграл в Банке Быстрого Перемещения, ты ведь намного богаче этой твоей так называемой семьи Е!!]

Ци Чи: [...]

Если бы эта проклятая система не напомнила, он бы почти забыл о задании тратить деньги.

— Цзян Сюй, мой милый мармеладный мишка, иди сюда~

Ци Чи поманил Цзян Сюя пальцем, его глаза цвета хупо слегка сощурились:

— Я ведь тебе нравлюсь, верно?

Цзян Сюй немного помолчал, подавляя вспыхнувший внутри порыв, и с улыбкой поймал закатившегося в его объятия маленького негодяя.

— Тогда докажи свою преданность мне, хорошо?

Он обвился руками вокруг шеи Цзян Сюя, склонил голову и принялся один за другим сосредоточенно целовать его в губы:

— В качестве награды я всегда буду послушно сидеть взаперти рядом с тобой, хорошо?— Я ненавижу Ци Лоло.

— Я знаю.

— И всю семью Ци тоже ненавижу.

— Я тоже это знаю.

— Ты же pomoжешь мне, правда?

Янтарные глаза Ци Чи слегка округлились, в них плескалась прекрасная влажная поволока, отчего он казался еще более невинным, послушным и мягким.

Он знал слабые места Цзян Сюя.

Более того, он хотел воспользоваться этой почти безумной одержимостью Цзян Сюя.

Цзян Сюй осторожно обошел рану на колене Ци Чи и прижал его к полу, а спадающая светло-золотистая чёлка скрыла выражение его глаз:

— Не балуйся, иначе последствия будут твоими собственными.

— Это значит, ты согласился? — спросил Ци Чи.

— Согласился.

Ци Чи с чувством полного удовлетворения чмокнул Цзян Сюя в щеку:

— Тогда, может, мне дать тебе какую-нибудь награду?

Чернота в глазах Цзян Сюя рассеялась, его пальцы погладили щеку Ци Чи, и он нашел его мягкие губы, продолжая поцелуй. Спустя мгновение Цзян Сюй почувствовал, как этот маленький комочек в его объятиях обмяк, и даже дыхание его стало совсем слабым и нежным.

Как раз в этот момент двое участников соревновательной группы пришли поискать Цзян Сюя.

Стоило им толкнуть дверь, как они увидели эту сцену.

В следующую секунду дверь захлопнулась обратно:

— Простите, мы ничего не видели. Ци Чи: «.....»

Цзян Сюй: «.....»

Вскоре дверь снова отворилась.

Один из однокурсников, высоко подняв телефон, спросил:

— Так значит, все те сладости, что Лу Юань шипперит в чате, — чистая правда? Вы и впрямь встречаетесь?

Цзян Сюй с улыбкой прищурился:

— Какой ещё чат?

Очкарик протянул ему свой смартфон:

— Вот.

Этот чат создали младшекурсницы с его параллели. Сначала очкарик ничего особенного не думал, но потом, изредка поглядывая на экран во время перерывов, обнаружил, что за этим довольно забавно наблюдать...

Количество участников в группе уже перевалило за сотню.

Когда Цзян Сюй открыл интерфейс чата, он как раз вовремя застал итоговое сообщение от Лу Юань:

— Судя по моему многолетнему опыту, эта парочка определенно придет к хэппи-энду! Наш старший лично помчался за Цзян Сюем за тысячу ли, так что если они не сойдутся, я оторву себе голову и отдам вам вместо мяча!

Сразу после слов Лу Юань чат запестрел быстро сменяющимися сообщениями:

— Мамочка Лу Юань, мы голодны, хотим клубнички!